

**ЛИЧНОСТЬ
И ВЛАСТЬ**

**Беркович
Евгений
Михайлович** —
кандидат физико-
математических на-
ук. Главный редак-
тор журналов “Семь
искусств”, “Заметки
по еврейской исто-
рии”. Постоянный
автор журнала.
E-mail: evgberkovitch
@gmail.com

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН, НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

© 2017

Е.М. Беркович

“Решил не ступать больше на немецкую землю”

Известие о назначении Гитлера рейхсканцлером Германии застало Эйнштейна в Америке. По договоренности с Прусской академией наук он полгода работал в Берлине, а полгода читал лекции в Калифорнийском технологическом институте в Пасадене. Эйнштейн уже должен был возвращаться в Германию, но смена правительства 30 января 1933 года перечеркнула все планы. В письме своей близкой знакомой Маргарите Лебах (Margarete Lebach) 27 февраля 1933 года ученый писал: “Из-за Гитлера я решил не ступать больше на немецкую землю... От доклада в Прусской академии наук я уже отказался” [11, S. 227].

Не прошло и суток, как жизнь подтвердила правильность принятого решения. На следующий день после поджога рейхстага в ночь на 28 февраля 1933 года были запрещены многие газеты и журналы, стоявшие в оппозиции к новому немецкому правительству. Власти закрыли, среди прочих, еженедельник “*Вельтбюне*” (“*Weltbühne*”, “Мировая арена”). Последний номер вышел седьмого марта, на последней странице читатель мог прочесть: “После событий 27 февраля ряд лиц был арестован. Среди них наш издатель Карл фон Осецкий” [15, S. 336].

Пацифист, писатель и журналист, лауреат Нобелевской премии мира за 1935 год, так и не получивший ее и умерший в тюремной больнице в 1936 году, Осецкий был близок по взглядам с Эйнштейном, состоял с ним в длительной переписке. Именно Эйнштейн предложил в 1935 году кандидатуру арестованного журналиста нобелевскому комитету. Весть об аресте Осецкого в феврале 1933 года потрясла Альберта. Накануне своего отъезда из Лос-Анджелеса, состоявшегося 12 марта, ученый дал интервью корреспонденту газеты “*Нью-Йорк Уорлд Телеграм*” (“*New York World Telegram*”) Эвелин Сили (Evelyn Seeley). Его заявление, сделанное в этом интервью, потом перепечатывали газеты всего мира.

Эйнштейн нашел простые и убедительные слова, объясняющие его решение, и дал четкую характеристику происходяще-

го в Германии: “Пока у меня есть возможность, я буду находиться только в такой стране, в которой господствует политическая свобода, толерантность и равенство всех граждан перед законом. Политическая свобода означает возможность устного и письменного изложения своих убеждений, толерантность — внимание к убеждениям каждого индивидуума. В настоящее время эти условия в Германии не выполняются. Там как раз преследуются те, кто в международном понимании имеет самые высокие заслуги, в том числе, ведущие деятели искусств. Как любой индивидуум, психически заболеть может каждая общественная организация, особенно когда жизнь в стране становится тяжелой. Другие народы должны помогать выстоять в такой болезни. Я надеюсь, что и в Германии скоро наступят здоровые отношения и великих немцев, таких как Кант и Гёте, люди будут не только чествовать в дни редких праздников и юбилеев, но в общественную жизнь и сознание каждого гражданина проникнут основополагающие идеи этих гениев” [11, S. 227].

Эйнштейн вынужден был прервать интервью, так как его ждали на научном семинаре. Эвелин Сили в заключение статьи написала, что когда великий физик после окончания семинара пересекал университетский двор, земля дрожала под его ногами: в Лос-Анджелесе именно в этот момент случилось одно из самых сильных землетрясений в истории города. Но ученый спокойно шел к себе домой.

“Я никогда не был особенно высокого мнения о немцах”

Завершив дела в Пасадене, Альберт с женой отправились в Европу. 28 марта 1933 года их корабль бросил якорь в Антверпене.

Отказавшись от первоначальных планов вернуться в Швейцарию, где жила Милева с сыновьями, Альберт собирался остаться в Бельгии на длительный срок, поэтому он не принял предложения бельгийских друзей погостить у них и снял скромную виллу в курортном местечке Ле-Кок-сюр-Мер недалеко от города Остенде. Вилла напоминала его летний домик в местечке Капут под Берлином и располагалась в живописных дюнах — прекрасное место для долгих прогулок и размышлений. Оттуда ученый сразу отправил письмо руководству Прусской академии наук, в котором отказывался от звания академика. А еще через неделю, 4 апреля 1933 года, Эйнштейн второй раз в жизни заявил, что отказывается быть гражданином Германии.

В первых числах апреля стало известно, что банковские счета Эйнштейнов в Берлине конфискованы. Потеря тридцати тысяч марок не очень опечалила ученого. Он оказался на удивление предусмотрительным, словно предвидел такое развитие

событий и все свои доходы за пределами Германии переводил на счета в Лейдене и в Нью-Йорке и особых материальных трудностей не испытывал. К тому же всем, близко знавшим Эйнштейна, было хорошо известно как мало его заботят бытовые неурядицы. Правда, экономная супруга ученого Эльза убеждала мужа выступить с протестом и привлечь мировое внимание к бесчинствам гитлеровских властей, чтобы добиться хотя бы какой-то материальной компенсации, но физик решительно отказался — он не хотел использовать свое мировое признание для решения личных неурядиц.

Относившийся к житейским проблемам с юмором, Альберт нашел и здесь повод пошутить: “В Берлине у меня оставалась яхта и подруги. Гитлер забрал только первую, что для последних явно оскорбительно” [18, S. 23].

Между тем жизнь в Ле-Кок-сюр-Мер постепенно налаживалась. Из Берлина приехали верная секретарша Эйнштейна Хелен Дукас (Helen Dukas) и Вальтер Майер (Walther Mayer, 1887—1948), помогавший Альберту в сложных расчетах. Дочери Эльзы Марго и ее мужу Дмитрию Марьянову удалось в начале апреля выбраться из Берлина в Париж, так что обыск на квартире Эйнштейна на Хаберландштрассе в поисках Марьянова окончился для нацистов безрезультатно. В Берлине оставалась Ильза, вторая дочь Эльзы, и ее муж Рудольф Кайзер (Rudolf Kayser), пытавшиеся спасти от нацистов бумаги Эйнштейна, его библиотеку и, по возможности, другие важные для ученого вещи.

В конце мая 1933 года отряд СА снова совершил набег на квартиру Эйнштейна, забрав оттуда картины, ковры и все более или менее ценные предметы. К счастью, бумаги их не интересовали, и архив ученого с помощью французского посла Андре Франсуа-Понсэ (André François-Poncet, 1887—1978) удалось дипломатической почтой переправить во Францию, а оттуда кораблем в Америку.

До прихода Гитлера к власти Эйнштейн не мог решить однозначно, уезжать ли ему из Германии окончательно или нет.

С одной стороны, ему нравился Берлин возможностью контактов с лучшими физиками планеты. Он ценил место профессора Прусской академии, позволявшее ему сконцентрироваться на научных исследованиях, не тратя время и силы на преподавание. Эльза вспоминала, что возвращаясь домой с физических семинаров, Альберт говорил: “такого количества выдающихся физиков нигде больше не найти” [1, с. 512].

Еще в 1932 году, когда стало известно, что во вновь создаваемом Абрахамом Флекснером (Abraham Flexner, 1866—1959) Институте перспективных исследований будет несколько месяцев в году работать создатель теории относительности, Эйнштейн подчеркнул в интервью газете “*Нью-Йорк Таймс*”: “Я не покину Германию. Моим постоянным местом жительства и дальше будет оставаться Берлин” [13, S. 737]. И только при-

ход Гитлера к власти подтолкнул сделать решительные шаги. С другой стороны, у Эйнштейна всегда было ощущение, что в Берлине на него постоянно что-то давит, “и всегда было предчувствие, что добром это не кончится” [1, с. 512].

В воспоминаниях Филиппа Франка (Philipp Frank, 1884–1966), которого Эйнштейн рекомендовал на свое место профессора пражского Немецкого университета в 1912 году, говорится о чувстве опасности, которое не оставляло физика. Когда национал-социалистическое движение только зарождалось, Альберт одним из первых предвидел, чем это закончится. Когда в 1921 году автор теории относительности делал доклад в Праге, он поделился с другом опасениями. “Он считал тогда, в 1921 году, что вряд ли пробудет в Германии больше десяти лет. В своей оценке он ошибся всего на два года” [14, S. 292]. Когда Альберт еще юношей первый раз подал прошение о выходе из немецкого гражданства, решающим для него было неприятие господствовавших в школах Германии порядков прусской казармы, когда ученики обязаны беспрекословно подчиняться учителям. Отсутствие свободы, неуважение к личности учащегося было непереносимо для будущего создателя новой физики.

В 1933 году, во второй раз отказываясь называться немцем, он вспомнил свои чувства конца прошлого века: “Снова мстит немцам пагубная система образования, заложенная Бисмарком” [13, S. 751]. Новое принятие немецкого гражданства в 1914 году было необходимой бюрократической формальностью, без которой Эйнштейн не смог бы стать членом Прусской академии и занять в ней должность профессора, т. е. стать государственным служащим. К тому же во времена Веймарской республики у ученого была надежда на победу демократии, но и тогда он не чувствовал себя в немецкой среде “своим”. В 1925 году, путешествуя по Южной Америке, Альберт записал в путевом дневнике: “Я для них словно диковинный цветок, и они снова и снова вставляют меня в петлицу” [Ibid.].

Находясь недалеко от границы с Германией и опасаясь за своих близких, Эйнштейн не позволял себе таких резких публичных заявлений, как в Америке, но в частной переписке не скрывал своего презрения к тем, кто охотно встал на сторону Гитлера. Особенно его возмущали образованные круги, прежде всего профессура. В письме близкому другу Паулю Эренфесту от 1 мая 1933 года Эйнштейн сформулировал свои требования к зарубежным членам немецких научных обществ: “не соучаствовать в том, что делают эти общества, беспрекословно подчиняясь властям, которые преследуют либералов и евреев. И если призывы не помогают, то новый разрыв международных связей между учеными, на мой взгляд, был бы оправдан” [Ibid.]. Другому верному товарищу Максу Борну в письме от 30 мая 1933 года Эйнштейн признавался: “Ты знаешь, я никогда не был особенно высокого мнения о немцах (в политическом и мо-

ральном смысле). Но сейчас я должен сказать, что они меня в какой-то степени поразили своей жестокостью и трусостью” [12, S. 160].

Конечно, Эйнштейн знал, что многие немцы стыдятся своего правительства и его преступных действий, но ни симпатии, ни сочувствия к своим согражданам он не испытывал, считая их лично ответственными за то, что произошло со страной. В письме Эренфесту 19 мая он выразил это предельно четко: “Я был свидетелем того, как они годами согрели змею на груди, а когда черт выскочил из табакерки, они попрятались в свои мышиные норы. Последствия своей безответственности они скоро ощутят на своей шкуре” [13, S. 751].

На близких Альберта произвел впечатление альбом фотографий, попавший в те дни в Ле-Кок-сюр-Мер. В альбоме с запоминающимся названием “Евреи смотрят на тебя” вошли изображения главных врагов гитлеровского режима. На первой странице стояла фотография Эйнштейна. Подпись гласила: “Открыл оспариваемую многими теорию относительноности. Прославлен еврейской прессой и доверчивыми немцами. Показал свою благодарность, участвуя за границей в пропагандистской травле Гитлера”. В скобках рядом стояло: “Еще не повешен” [10, с. 338].

Сам ученый относился к подобным выходкам нацистов с презрением, не проявляя сильных эмоций. Как и во многих других ситуациях, он мог оставаться холодным наблюдателем, четко фиксируя события и давая им беспристрастную оценку. Решение Борна уехать из страны и оставить свой пост директора института теоретической физики в Геттингене несмотря на то, что закон давал Максимум возможность побороться, Эйнштейн одобрил. Остаться в Германии в сложившихся обстоятельствах он считал бессмысленным и опасным.

Постепенно к этой мысли приходили даже такие убежденные немецкие патриоты, как Фриц Габер. Его как ветерана Первой мировой войны формально не могли уволить с должности директора института Общества кайзера Вильгельма, но Габер решил сам покинуть родину в знак протеста против увольнения своих еврейских сотрудников.

Зная, как сильно привязан Габер к Германии, Эйнштейн находит для него слова утешения. Для честных и храбрых мужей в нынешней “Тевтонии” нет больше места, поэтому жалеть о своем уходе не следует. “Не дело интеллигентному человеку работать с людьми, которые лежат на брюхе перед преступниками, при этом до известной степени этим преступникам симпатизируя. Меня они не очень и удивляют, так как я никогда их особенно не уважал, за исключением некоторых прекрасных личностей (Планк благороден на 60% и Лауэ на 100%)” [13, S. 752].

Эйнштейн раньше многих своих современников предсказал печальную судьбу введомой Гитлером Германии. Ведь тогда

многие еще верили, что самого страшного не произойдет, что угрозы Гитлера останутся риторикой. Но Альберт уже твердо знал, что прежней Германии не будет. Знакомому физику из Англии Фредерику Линдемману (Frederick Alexander Lindemann, 1886–1957), будущему советнику Черчилля по науке, Эйнштейн написал 1 мая 1933 года: “В страну, где я родился, я больше не вернусь” [Ibid.].

“У меня больше профессорских мест, чем разумных мыслей”

Предложений занять профессорскую кафедру Эйнштейн получал множество. Мало какой университет мира не хотел бы заполучить в свой штат признанного лидера физиков-теоретиков, нобелевского лауреата и автора основополагающих работ новой физики. Не следует забывать, что Эйнштейн был связан обязательством проводить несколько месяцев в году в Институте перспективных исследований в Принстоне, и Абрахам Флекснер, основавший в 1930 году этот институт и бывший его первым директором, тоже горел желанием сделать Альберта постоянным сотрудником.

К удивлению многих, Эйнштейн нередко принимал новые предложения, о чем с восторгом писали газеты, но потом, по зрелому размышлению, брал свое согласие назад. Многие университеты, предлагая Эйнштейну место профессора, тем самым выражали протест против волны увольнений еврейских ученых в Германии. Альберт понимал эту подоплеку и ему трудно было отказать приглашавшим. 5 мая 1933 года он писал в Париж своему другу П. Ланжевену: “Вы будете теперь думать, что я должен был как испанские, так и французские предложения вежливо отклонить, так как то, что я действительно могу делать, не вяжется с тем, чего от меня ждут. Однако такой отказ при современных обстоятельствах был бы неправильно понят, так как оба приглашения носили, хотя бы отчасти, характер политической манифестации, чей успех поначалу важнее всего” [11, S. 237].

Альберт охотно согласился прочитать несколько лекций в Брюсселе, Париже и Оксфорде. Скоро предложений стало так много, что он жаловался в апреле 1933 года другу молодости Соловину: “у меня больше профессорских мест, чем разумных мыслей в голове” [13, S. 752].

Поначалу Эйнштейн принял очень заманчивое приглашение Мадридского университета и собирался с лета 1934 года насовсем перебраться в Испанию. Особенно важно для него было устроить на постоянную должность своего ассистента Вальтера Майера, на помощь которого очень рассчитывал при решении сложных математических проблем.

Вальгер был математиком, специалистом по интегральным уравнениям, дифференциальной геометрии и топологии. Обе

докторские диссертации он защитил в Венском университете, где в 1926 году стал приват-доцентом, однако дальнейшему карьерному росту там мешал сильный академический антисемитизм. По рекомендации знаменитого Рихарда фон Мизеса (Richard von Mises, 1883—1953) Вальтер в 1929 году стал личным ассистентом Эйнштейна, вместе они трудились над неподдающейся единой теорией поля. За четыре года Альберт так привык к помощи Майера, что с трудом представлял себе дальнейшую работу без своего ассистента. Кроме того, великий физик чувствовал личную ответственность за его судьбу. Испанцы обещали предоставить должность профессора математики и Майеру, что и склонило Эйнштейна принять предложение Мадрида.

О возможном переезде ученого в испанскую столицу писала газета “Нью-Йорк Таймс 11 апреля 1933 года: “*Испанский министр заявил, что физик согласился занять место профессора*” [1, с. 513].

Подобные сообщения, безусловно, нервировали Абрахама Флекснера, который рвался заполучить Эйнштейна к себе в Принстон. Альберт воспользовался этим, чтобы и здесь добиться каких-то гарантий для своего ассистента. В письме Флекснеру в том же апреле физик прозрачно намекает: “Из газет Вы уже знаете, что я согласился занять место в Мадридском университете. Испанское правительство гарантировало мне право рекомендовать им математика, который станет полным профессором. Его отсутствие может создать мне затруднения для моей собственной работы” [Ibid.].

Флекснер вынужден был уступить и обещать Вальтеру Майеру пусть не профессорское, но постоянное место в штате Института перспективных исследований. Это и предопределило, в конце концов, окончательное решение Эйнштейна.

Надо сказать, что Флекснер в письме от 26 апреля 1933 года предостерегал Эйнштейна от чрезмерной привязанности к ассистенту, доходящей до зависимости, и приводил примеры того, к чему это может привести. Физик тогда не прислушался к этим советам, а зря. Флекснер оказался прав: после трех лет совместной работы в Принстоне Майер прекратил работу с Эйнштейном и занялся собственными исследованиями.

Из мадридского предложения ничего не вышло. Какие-то женские и католические организации Испании начали публично протестовать против назначения Эйнштейна, и тот, в конце концов, отказался от переезда на Пиренейский полуостров [10, S. 339].

Вопрос с постоянным местом работы и жительства оставался открытым. Принимать предложение Флекснера переехать в Принстон насовсем Эйнштейн не торопился. У него были основания скептически относиться к Америке, к атмосфере, царившей в ее научных и учебных заведениях. Ему нравилась страна, которая, как и он сам, высоко ценила свободу и права

личности. В то же время истинному европейцу, каким всегда считал себя Альберт, были не по душе излишняя простота нравов, доходившая до грубости, и постоянное стремление к материальной выгоде. В апреле 1932 года Эйнштейн предостерегает лейденского друга Эренфеста, просившего найти ему работу в Америке: “Должен сказать откровенно, в долгосрочной перспективе я предпочел бы жить в Голландии, а не в Америке. Не принимая в расчет горстку действительно прекрасных ученых, это скучное и пустое общество, способное вскоре заставить тебя содрогнуться” [1, с. 495].

Была бы его воля и подходящие условия для работы в Европе, он бы не стремился перебраться через океан. Друзья во Франции, прежде всего Поль Ланжевен, попытались добиться от правительства новой ставки профессора математической физики в Коллеж де Франс (Collège de France) в Париже. И это предложение Эйнштейн вначале принял, но, поразмыслив, отказался. Только сейчас он по-настоящему оценил преимущества своей берлинской работы — профессор Прусской академии наук не должен был читать обязательных лекций студентам, а в Париже, Мадриде и других университетских центрах это стало бы главной обязанностью профессора. В письме Ланжевену от 4 июля 1933 года Эйнштейн именно этим обосновал свой отказ: “...я не подхожу для того, чтобы читать большое число лекций, которые могли бы быть полезными молодым людям” [13, S. 753]. И чтобы отказ не обидел друга, Альберт рисует свой портрет исследователя:

“Я довольно много работал, правда, большинство снова выбросил, и я еще не знаю, оправдает ли себя то, что я сохранил. Я никакой не знаток, я только искатель. Но то, что я нашел, и то, что себя оправдало, знает каждый нормальный студент, и было бы смешно, если бы я ему это докладывал. Я кажусь себе старым котом, которого впрягли в маленький красивый вагончик, в то время как он ничего другого не может, как ловить мышей. Или представляю себя цыганом-скрипачом, который не может прочесть ни одной ноты, но должен стать первой скрипкой в симфоническом оркестре” [ibid.].

“Я выступаю против любых диктатур”

Об одном экзотическом приглашении Эйнштейна на работу, поступившем летом 1933 года, рассказал мне Борис Шайн, американский математик, работавший до 1979 года в Саратовском государственном университете [2]. Речь идет о предложении великому физиком стать профессором этого учебного заведения. Приглашение исходило от Гавриила Константиновича Хворостина, влиятельного человека в городе и имевшего, как говорят, высокопоставленного покровителя в Москве. В 30-е годы Хворостин стал ректором (директором) Саратовского университета и мечтал, по его словам, сделать из СГУ “Гёттин-

ген на Волге” [4]. Надо сказать, что Саратов не был Эйнштейну совсем незнаком: здесь жил и работал профессор Милош Марич, с 1930 года заведующий университетской кафедрой гистологии, брат Милевы, первой жены физика.

По словам Бориса Шайна, Эйнштейн ответил, что ему никогда не выучить русский язык. Тогда Хворостин придумал хитрый план: создать Академию наук автономной республики немцев Поволжья, сделать Эйнштейна ее президентом с хорошей зарплатой, а жить и работать физик будет в Саратове. Хворостину было, конечно, известно, что Академии наук автономным республикам не положены, они существовали только в союзных республиках, но он надеялся этот вопрос уладить с помощью своего покровителя в ЦК ВКП(б).

Из этого плана ничего не вышло, но сама идея приглашения в СССР ученых-евреев из Германии, искавших спасения от преследования нацистов, была не нова. Только в Томском государственном университете им. Куйбышева работали математики из Германии Фриц Нётер (Fritz Noether, 1884–1941), Стефан Бергман (Stefan Bergmann, 1895–1977) и другие. Им удалось за два года осуществить уникальное по тем временам в Сибири издание “Известий НИИ математики и механики” на немецком языке, в котором печатался даже Альберт Эйнштейн [5].

Всего из Германии в Советский Союз эмигрировало в тридцатые и сороковые годы около трех тысяч немецких граждан. Большинство из них были коммунисты, спасавшиеся от репрессий гитлеровцев. Среди эмигрантов из Германии немалую часть составляли евреи.

Судьба большинства из них сложилась трагически. Бежав от одной диктатуры, они пали жертвами другой. Не исключено, что и Эйнштейну грозила подобная судьба, прими он предложение переехать в Саратов.

Трудности с русским языком были не единственной причиной, по которой Эйнштейн отказался переехать в Советский Союз. Из-за его левых взглядов, пацифистских настроений, неприятия нацизма многие считали его убежденным коммунистом, сторонником Коминтерна. Во время поездки в Америку он не раз сталкивался с протестами против его, якобы, сталинистских пристрастий. На самом деле любая диктатура, будь то сталинская или гитлеровская, были для ученого одинаково неприемлемыми, хотя он не ставил между ними знак равенства.

Собираясь в сентябре 1933 года в Америку, Эйнштейн дал интервью газете “*Нью-Йорк Ворлд Телеграм*” (The New York World Telegram), в котором подчеркнул: “Я убежденный демократ и именно поэтому я не еду в Россию, хотя получил очень радужное приглашение. Мой визит в Москву наверняка был бы использован советскими правителями в политических целях. Сейчас я такой же противник большевизма, как и фашизма. Я выступаю против любых диктатур” [11, S. 234].

В том же месяце в другом интервью, опубликованном одновременно в двух газетах — “Таймс оф Лондон” (The Times of London) и в “Нью-Йорк Таймс” (The New York Times) — Эйнштейн признался, что “иногда бывал одурачен организациями, представлявшимися чисто пацифистскими или гуманитарными, а на самом деле занимавшимися не чем иным, как закамуфлированной пропагандой на службе русского деспотизма” [1, с. 523].

И далее еще откровенней: “Я никогда не одобрял коммунизм, не одобряю его и сейчас”. Ученый подчеркнул, что он против любой власти, “порабощающей личность с помощью террора и насилия, проявляются ли они под флагом фашизма или коммунизма” [Ibid.].

“Большевики мне больше по вкусу, чем их смешные теории”

Однако отношение Эйнштейна к большевистской диктатуре вовсе не было столь же бескомпромиссным, как к диктатуре Гитлера. Свои симпатии к идеям равенства и отсутствия эксплуатации Эйнштейн никогда не скрывал. Он был членом пацифистской организации “Союз нового отечества” (Bund neues Vaterland), которая после Первой мировой войны ставила перед собой задачу улучшения немецко-российских отношений. Осенью 1919 года три члена Союза — Альберт Эйнштейн, лауреат нобелевской премии мира Альфред Фрид (Alfred Hermann Fried, 1864—1921) и граф Гарри Кесслер (Harry Kessler, 1868—1937) — выступили с протестом против экономической блокады Советской России, объявленной странами Антанты в октябре 1919 года.

В январе 1920 года Альберт пишет Максу Борну: “Я должен тебе вообще-то признаться, что большевики мне больше по вкусу, чем их смешные теории. Было бы чертовски интересно на эти вещи посмотреть разок вблизи. Во всяком случае, движущая сила их лозунгов велика, так как военная машина Антанты, которая перемолола немецкие армии, растаяла в России как снег на мартовском солнце. У них в руководстве сидят толковые люди. Я читал недавно одну брошюру Радека — полное уважение, он свое дело понимает!” [12, S. 43—44].

Борн так прокомментировал письмо своего старшего товарища: “Политические взгляды Эйнштейна в этом письме особенно красноречивы. Он тогда, как и многие, верил, что большевистская революция принесет истинное освобождение от пороков нашего времени: милитаризма, бюрократического насилия, плутократии и надеялся на улучшение состояния дел коммунистами — как бы ни были смешны их теории... Во всяком случае, его надежда на русскую революцию покоилась больше на ненависти к господствовавшим на Западе властям, чем на рациональном рассмотрении правильности коммунистических идей” [Ibid., S. 46—47].

Руководствуясь своим общественным темпераментом, Эйнштейн не отказывался от самых диковинных предложений войти в некий комитет, возглавить какое-нибудь общество или подписать петицию против чего-то или в защиту кого-то. Для него было важно помочь слабым, преследуемым и угнетенным, поддержать борьбу с насилием, нарушением прав человека, разжиганием новой войны. Так он оказался членом, а то и почетным председателем нескольких десятков обществ, комитетов, советов...

С 1918 года Эйнштейн входил в Наблюдательный совет “Международного союза молодежи”, основанного Леонардом Нельсоном (Leonard Nelson, 1882–1927). Без колебаний великий физик присоединился к Международному комитету рабочей помощи (Межрабпом) голодающим в России, созданному по призыву Ленина от второго августа 1921 года [6, с. 250]. Деятельность Межрабпوما координировалась Коминтерном. Секретарем Комитета рабочей помощи был коммунист Вилли Мюнценберг (Willi Münzenberg, 1889–1940), известный в Берлине издатель, глава отдела пропаганды Коминтерна. Эйнштейн поддерживал с Мюнценбергом близкие отношения вплоть до своего окончательного отъезда из Германии.

Многие историки называют Мюнценберга самым эффективным пропагандистом первой половины XX века, гением дезинформации. Вилли был знаком с Лениным еще по Швейцарии и пользовался его безграничным доверием. В 1920 году Мюнценберг становится членом Коминтерна, фактически, ответственным за ведение коммунистической пропаганды на Западе. Несмотря на голод в России, Мюнценбергу выделялись огромные средства на создание благоприятного для Советов политического климата в Европе.

Чтобы заинтересовать либералов идеями большевизма, он создавал многочисленные организации, которые чаще всего маскировались под благотворительные фонды. В “сети” Мюнценберга попало множество европейских интеллектуалов, которых Ленин называл “полезными идиотами” [16].

Не избежал подобной участи и великий физик. В июне 1923 года Эйнштейн вошел в состав Центрального комитета “Общества друзей новой России”, незадолго до того основанного Вилли Мюнценбергом вместо попавшегося на махинациях общества “Друзья Советской России”. Вновь созданное общество издавало журнал “Новая Россия” (Das neue Russland), выходящий в Берлине на немецком языке. Его свежие выпуски регулярно высылались физика на дом [15, S. 303]. К этому обществу принадлежали также писатели Томас Манн и Альфред Дёблин (Alfred Döblin, 1878–1957).

Еще одно общество, в руководство которого пригласили Эйнштейна, было создано по инициативе российского Народного комиссариата просвещения. Учредительное собрание общества “Культура и техника” состоялось в Доме ученых

в Москве 8 марта 1924 года. Сам физик на собрании не присутствовал, но прислал приветствие, в котором описал задачи вновь создаваемого общества. С советской стороны его возглавил торгпред России в Берлине Борис Спиридонович Стомоняков (1882—1940), впоследствии заместитель наркома иностранных дел СССР. Эйнштейн был избран почетным председателем Общества, под эгидой ученого, но без его непосредственного участия прошла в Москве 8—15 января 1929 года “Неделя германской техники”, устроенная обществом “Культура и техника”.

Общество активно развивалось, в 1926 году оно насчитывало 56 членов (из них шесть — коллективных), а в 1932 году — уже 176 представителей научно-технической интеллигенции двух стран. С приходом нацистов к власти деятельность общества “Культура и техника” стала приходить в упадок, и в 1937 году Общество было ликвидировано (Райхцаум, 2007).

К участию в перечисленных организациях можно добавить почетное президентство с 1922 года в “Доме отдыха выздоравливающих ученых и художников в Бад Эмсе”, почетное членство с 1926 года в Профсоюзе немецких работников умственного труда и с 1927 года членство в Попечительном совете “Фонда Вальтера Ратенау” [Ibid., S. 301]. В том же году Эйнштейн вместе с французским писателем-коммунистом Анри Барбюсом (Henri Barbusse, 1873—1935) становятся почетными президентами “Лиги против империализма и за национальную независимость”. К этой же лиге принадлежал ганноверский философ и публицист приват-доцент (экстраординарный профессор) Высшей технической школы (Технического университета) Теодор Лессинг (Theodor Lessing, 1872—1933), прославившийся пророческим предвидением прихода Гитлера к власти во время президентских выборов в Германии в 1925 году.

Осенью 1923 года в берлинских изданиях появились сообщения, что создатель теории относительности несколько дней провел в Москве и Петрограде. Об этом сообщали, например, газеты “Дойче Альгемайне Цайтунг” (Deutsche Allgemeine Zeitung) 15 сентября 1923 года или “Фоссише Цайтунг” (Vossische Zeitung) № 359 [13, S. 620]. На самом деле Эйнштейн ни тогда, ни потом в СССР не приезжал ни на день. За коммунистическим экспериментом он предпочитал наблюдать и высказывать свои симпатии, находясь на безопасном расстоянии от границ Советского Союза.

В 1930 году в СССР состоялось несколько показательных процессов против “вредителей” и других “врагов народа”. Наиболее известно “дело” так называемой Промпартии. Но был еще один судебный процесс — против “организаторов голода”. Ведь надо было найти виноватых в том, что в результате сталинской коллективизации миллионы советских людей голодали, многие умирали от голода.

Известный экономист и общественный деятель Борис Давыдович Бруцкус (1874—1938), высланный из Советской России в 1922 году, попытался побудить к протестам западных интеллектуалов¹. Письмо против “красного террора” подписали Арнольд Цвейг и Альберт Эйнштейн. Ромен Роллан письмо не подписал.

В абсурдном обвинении сорока восьми специалистов народного хозяйства в организации голода создатель теории относительности увидел “либо отчаяние загнанного в угол режима, либо массовый психоз, либо смесь и того и другого... Очень печально, что развитие СССР, на которое мы смотрели с надеждой, ведет к таким ужасным вещам” [Ibid, S. 727].

Однако подпись Эйнштейна под письмом протеста продержалась недолго. В его круге общения было немало советских людей и немецких коммунистов, которые, по своей инициативе или по заданию соответствующих органов, оправдывали действия Сталина. И ученый, независимый от чужого мнения и уверенный в себе в вопросах физики, в области политики легко поверил их доводам.

Об уверенности физика в правоте своих научных построений красноречиво говорит такой эпизод. В 1921 году, будучи в первой поездке по США, Эйнштейн столкнулся с неприятным известием: во время одного торжественного приема в честь автора теории относительности по залу прошел слух, что физик Дейтон Миллер (Dayton Clarence Miller, 1866—1941) из Кливленда повторил опыт Майкельсона—Морли и установил существование эфира, что опровергало теорию Эйнштейна. Ни секунды не сомневаясь в правильности своего открытия, Эйнштейн сказал фразу, которую потом, через десять лет, выбьют в камне над камином в институте математики и физики в Принстоне: “Господь изощрен, но не злонамерен”. Эксперимент Миллера впоследствии был признан ошибочным.

В отношении к сталинской диктатуре такой твердости Эйнштейн не показал. Уже через год после суда над “организаторами голода” оценка Эйнштейном этого процесса радикально изменилась. Теперь он поверил в законность и оправданность сталинских чисток и уполномочил своего друга профессора высшей математики Ленинградского университета Германа Мюнинца (Hermann Mueninz, 1884—1956) опубликовать в журнале “Новая Россия” опровержение своего первоначального мнения. В заметке приводились слова Эйнштейна: “После долгих колебаний я поставил в тот раз мою подпись, так как доверял компетентности и честности тех людей, которые обратились ко мне, и, кроме того, потому что считал психологически невозможным, чтобы люди, которые несли полную ответственность за функционирование важной технической установки, намеренно вредили тем целям, которым должны были служить. Сегодня я глубоко сожалею, что я поставил тогда свою подпись, так как я больше не верю в правильность моих

¹ В книге [15, S. 304] вместо Бориса Бруцкуса ошибочно указан его брат Юлий, литовский министр, историк и публицист.

давешних взглядов. Тогда мне не приходило в голову, что при особом положении Советского Союза там может быть что-то, что не вписывается в привычный для меня порядок вещей” [17, S. 411].

Далее следовало замечание профессора Мюнинца о том, что Эйнштейн, будучи членом “Общества друзей новой России”, внимательно следит за успешным ходом социалистического строительства в Советском Союзе. “Западная Европа, — заявил Эйнштейн — будет вам скоро завидовать” [Ibid.].

Кто именно переубедил Эйнштейна и заставил поверить сталинской пропаганде, сказать трудно. Возможно, это был Дмитрий Марьянов, русский журналист, приписанный к советскому посольству в Берлине, ставший в 1930 году мужем младшей приемной дочери Эйнштейна Марго. Не исключено, что влияние на великого физика оказал Вилли Мюнценберг, с которым Альберт поддерживал тесные отношения.

Свое новое мнение о сталинских чистках Эйнштейн не изменил и в последующие годы. Когда Большой террор в 1937 году набрал гигантские обороты, он писал из Принстона другу Максу Борну: “Множатся признаки того, что русские процессы представляют собой никакое не мошенничество, на самом деле речь идет о заговоре, в глазах которого Сталин — тупой реакционер, который предал идею революции. Правда, нам в это трудно поверить, но лучшие знатоки России придерживаются такого же мнения. Вначале я был твердо убежден, что тут речь идет о лжи и махинациях при обычных властных интригах диктатора, но это было заблуждение” [12, S. 179].

Вот как далеко завели физика “лучшие знатоки России”!

В том же письме Макс Борну Эйнштейн рассказывает про свою жизнь в Принстоне и как бы мимоходом упоминает о смерти жены: “Прекрасно обжился, живу как медведь в берлоге и чувствую себя больше дома, чем за всю свою переменчивую жизнь. Это чувство медвежьего одиночества только возросло после смерти подруги, которая связывала меня со многими людьми” [Ibid., S. 177–178].

Макс Борн, словно пытаясь оправдать друга, замечает: “Довольно удивительно, как Эйнштейн в коротком описании своей медвежьей жизни, в которой он себя чувствует дома, вскользь извещает о смерти жены. При всей доброте, отзывчивости и любви к людям был он независим от своего окружения и от близких людей” [Ibid., S. 180].

Такого же мнения была Фрида, жена Густава Баки (Gustav Peter Vucky, 1880–1963), американского врача и изобретателя, работавшего в Берлине. Он был лечащим врачом дочерей Эйнштейнов, кроме того, вместе с Альбертом работал над созданием автоматического фотоаппарата. Фрида познакомилась с семьей Эйнштейнов в Капуте, где те проводили летние месяцы. По ее словам, “своего рода тонкая воздушная прослойка отделяла Эйнштейна от самых близких друзей и даже от членов его

семьи — прослойка, за которой он в полете своего воображение создал собственный малый мир” [3, с. 372–373].

Находясь в этом “*собственном малом мире*”, ученый прекрасно разбирался в сложнейших физических процессах, но иногда ошибался в оценке человеческих отношений и социальных явлений.

Литература

1. *Айзексон У.* Альберт Эйнштейн. Его жизнь и его Вселенная. М.: Аст, 2016
2. *Беркович Е., Шайн Б.* Одиссея Фрица Нётера. Послесловие // Заметки по еврейской истории. 2009. № 11.
3. *Брайен Д.* Альберт Эйнштейн. Минск: Попурри, 2000.
4. *Гордон Е.* Адресат Л.С. Понтрягина // Гордон И.И. Семь искусств. 2011. №11
5. *Кликушин М.В., Красильников С.А.* Анатомия одной идеологической кампании 1936 г.: “Лузинщина” в Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.
6. *Ленин В.И.* Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР В. И. Ленина к международному пролетариату // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитздат, 1960.
7. *Райхцаум А.* Как Германия и СССР дружили “культурой и техникой” // Московская немецкая газета. 2007. 16 сентября.
8. *Солженицын А.И.* Двести лет вместе. Ч. II. М.: Русский путь, 2002.
9. *Чернавин В.В.* Записки “вредителя” // Чернавин В., Чернавина Т. Записки “вредителя”; Побег из ГУЛАГа. СПб.: Канон, 1999.
10. Clark R. W. Albert Einstein. Eine Biographie. Esslingen: Bechtle Verlag, 1974.
11. *Einstein A.* Über den Frieden. Weltordnung oder Weltuntergang? Hrsg. von Otto Nathan und Heinz Norden. Neu Isenburg: Abraham Melzer Verlag, 2004.
12. *Einstein A.–Born M.* Albert Einstein — Hedwig und Max Born. Briefwechsel 1916–1955. München: Nymphenburger Verlagshandlung, 1969.
13. *Fölsing A.* Albert Einstein. Eine Biographie. Ulm: Suhrkamp, 1995.
14. *Frank Ph.* Einstein. Sein Leben und seine Zeit. München, Leipzig, Freiburg i. Br.: Paul List Verlag, 1949.
15. *Goenner H.* Einstein in Berlin. München: Verlag C. H. Beck, 2005.
16. *Gross B.* Willi Münzenberg: Eine politische Biographie. Leipzig: Forum Verlag, 1991.
17. *Grundmann S.* Einsteins Akte. Wissenschaft und Politik — Einsteins Berliner Zeit. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 2004.
18. *Hassler M., Wertheimer Jü. (Hrsg.).* Der Exodus aus Nazideutschland und die Folgen. Jüdische Wissenschaftler im Exil. Tübingen: Attempo Verlag, 1997.
19. *Kirsten Ch., Treder H.-Jü.* Albert Einstein in Berlin 1913. Berlin: Akademie-Verlag, 1979.